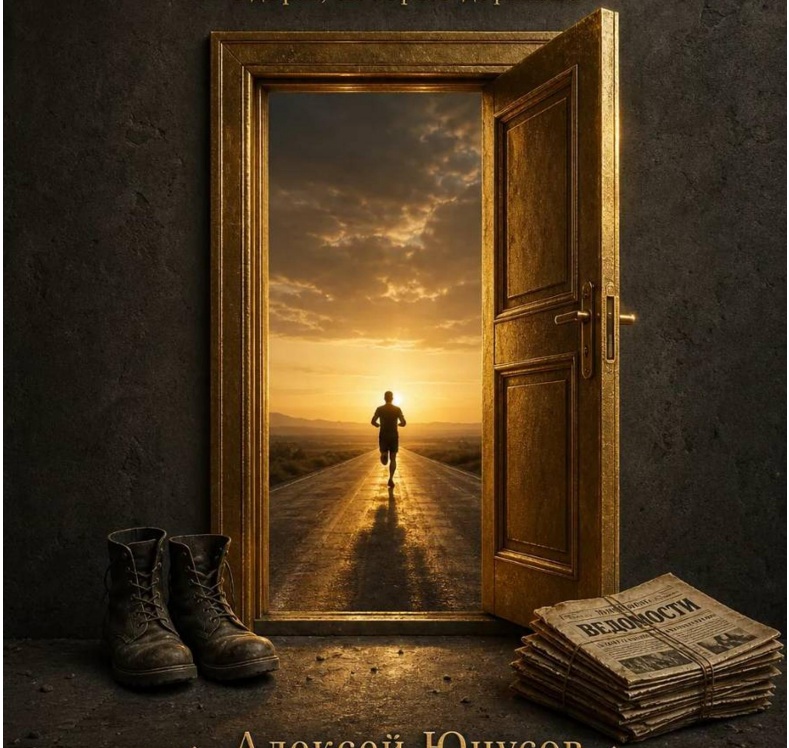
Дом, который построил я.

Дневник инвестора.

Удары, которые держишь

Алексей Юнусов

Алексей Юнусов

Дом, который построил я. Дневник инвестора

https://litres.ru/74739188
SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если ты — сын эмигрантов из Сент-Этьена, продаёшь газеты на вокзале и мечтаешь о свободе, которую не можешь себе позволить? Кристофер Элиас начинает с пачки газет и армейских сапог, которые натирают до крови. Он не гений, не наследник и не везунчик. Он просто бегун, который научился одному: не сдаваться, даже когда всё против.

Двадцать лет он идёт к цели — 1,5 миллиона евро к сорока годам. На этом пути будут сетевой маркетинг и первые отказы, работа, где ему скажут «ты из семьи эмигрантов — такие не становятся руководителями», потеря почти всех накоплений из-за ошибки и предынфарктный приступ от переутомления.

Это не учебник по инвестициям. Это честная история о том, как строить капитал, не потеряв себя. О том, как быть главой семьи, когда хочется сбежать. О том, как любить жену, которая сильнее, чем кажется. И о том, что настоящий финиш всегда оказывается новым стартом.

Алексей Юнусов
Дом, который построил я. Дневник инвестора

Пролог. «Стартовая вода»

Ницца, 2022 год, 6:47 утра

Холод обжигал не физически, а исторически. Он пробирался сквозь кожу, оседая в костях, напоминая о каждом утре в Сент-Этьене, когда Кристофер Элиас просыпался в комнате над гаражом отца и слышал, как ржавый «Рено-Мастер» кашляет, пытаясь завестись в морозном воздухе. Тогда он смеялся над словами матери: «Холод — это просто неправильное дыхание». Теперь, за три минуты до старта IronMan, стоя босой ногой на резиновом коврике, он знал: она была права. Холод — это всего лишь сигнал тела, что нужно дышать глубже.

На груди — номер 841. На руке — часы отца, подаренные в день увольнения из армии. Поцарапанное стекло, выцветший кожаный ремешок, хранящий пот и соль старых маршбросков. Жоаким тогда сказал: «Это часы моего отца, который плыл в Марсель из Лиссабона в трюме. Они знают, что такое терпеть. Теперь они будут знать, что такое побеждать».

Кристофер оглянулся назад. Берег тонул в оранжевом ту-

мане. Он знал, что там, среди тысяч зрителей, не было Марин, Эсмеральды, Элиз и Пьера — они ждали его у финиша в 17:00, по уговору. Но он чувствовал их присутствие так же отчётливо, как если бы они стояли рядом. Он знал, что Марин смотрит трансляцию в маленьком кафе на улице Кур-Вийе, сжимая чашку кофе так крепко, что костяшки пальцев побелели. Что Эсмеральда, уже взрослая девушка, вглядывается в экран, ища глазами отца, и втайне надеется, что однажды она сама будет стоять на этом старте. Что Элиз, держа в руках блокнот, зарисовывает его фигуру на песке, а маленький Пьер, которому едва исполнилось пять, смотрит с широко открытыми глазами и шепчет: «Папа бежит…»

Прозвучал сигнал. Кристофер шагнул в воду. В этот миг он понял, что плывёт не в Средиземное море — он плывёт сквозь собственную историю. Мимо пачки газет в руках, мимо первого забега в казарме, где сапоги натирали до крови, мимо увольнения из корпорации, которая не дала ему вырасти, мимо разрыва с Камиллой, после которого он понял, что любовь требует не только чувств, но и мужества.

Каждый гребок — это ответ на вопрос, который он задавал себе в 15 лет: «Зачем ты живёшь?»

Теперь он знал ответ. Но книга — не ответ. Книга — это путь, на котором он нашёл вопросы. И главный из них: «Смогу ли я построить дом, в который захочется возвращаться?»

Глава 1. «Сапоги, газеты и первая двадцатка»

Сент-Этьен, 2006 год. Кристоферу 19 лет

Квартал Кур-Вийе просыпался с запахом жареной трески и выхлопных газов. В шесть утра, когда Кристофер спускался по лестнице общежития, первым делом он слышал не город — он слышал, как отец заводит старенький «Рено-Мастер». Жоаким уходил в автопарк даже по субботам. Иногда, если дверь была приоткрыта, Кристофер видел, как отец нагибается, чтобы поцеловать крестик на зеркале заднего вида. Португальский жест. Жест надежды.

Мать, Тереза, уже стояла у плиты. Она умела готовить так, что даже дешёвая рыба превращалась в память о побережье Алгарве. Но она никогда не говорила о море. Она говорила о шве: «Ты должен научиться не рвать ткань, Кристофер. Тогда жизнь не разойдётся по шву». Она имела в виду себя. Он понял это только через десять лет, когда впервые увидел фотографию молодой Терезы — красивой, с горящими глазами, которая мечтала о Париже, но осталась в Сент-Этьене, потому что полюбила португальца с чемоданом.

В тот февральский день мокрый снег бил в окно, а Кристофер сидел за кухонным столом и пересчитывал купюры. 47 франков. Это были деньги от продажи старых мотоциклетных покрышек с барахолки — он переделывал их в кресла-качалки. Провальный проект: никто не покупал. Но он запомнил не провал — он запомнил, как впервые увидел жур-

нал «Investir» в витрине табачной лавки. На обложке был пляж и жирный заголовок: «Как стать свободным в 40 лет».

Кристофер купил его вместо обеда. Читал в парке, дрожал от холода, и впервые в жизни почувствовал, как внутри что-то щёлкает. Не мысль, а ощущение: есть другой мир, где деньги работают на тебя, а не ты на них. Он не понимал терминов, но понимал суть: свобода имеет цену, и эту цену можно заплатить временем и риском.

В тот вечер он сказал матери: «Я пойду в армию». Тереза уронила сковороду, треска полетела на пол. Жоаким, услышав грохот, поднялся из гаража и, не говоря ни слова, достал из буфета старую бутылку портвейна. Кристофер видел, как дрожат его руки — руки, которые чинили грузовики двадцать лет.

— Ты знаешь, что там не учат думать, — сказал отец, наливая в стаканы. — Там учат бегать и не жаловаться. Ты готов к этому?

— Мне это и нужно, — ответил Кристофер. Он посмотрел на отца и увидел в его глазах смесь гордости и страха. Жоаким боялся, что сын сломается. Но Кристофер знал: он уже сломан. Ему нужно было научиться собирать себя заново.

Служба. Мюлуз, 2007 год

Казарма 8-го пехотного полка пахла хлоркой и гуталином. Первое утро началось с того, что капрал Лежён, коренастый корсиканец с хриплым голосом, швырнул каждому

новобранцу пару кирзовых сапог. Кожа, грубая, как наждак, весила под два килограмма на ногу.

— Запомните, щенки, — прорычал он, глядя на них с презрением. — Эти сапоги — ваша мать, отец и исповедник. В них вы будете спать, есть и бежать. Бежать много. Бежать всегда.

Первая пробежка была кошмаром. Сапоги натирали мозоли до крови, пятки превратились в сплошную рану. Кристофер бежал, чувствуя, как пот смешивается с сукровицей, но капрал не давал остановиться. «Ты не ногами бежишь — ты головой! — кричал он, бегая рядом. — Если твоя башка сдастся, ноги лягут!»

На втором километре Кристофер почувствовал, как внутри поднимается паника. Он хотел остановиться, сесть на землю, сказать: «Я не могу». Но он вспомнил отца, который вставал в четыре утра и шёл в гараж, чтобы они могли есть. Вспомнил мать, которая шила чужие пальто и всегда откладывала «на чёрный день». Он подумал: «Если я сейчас остановлюсь, я докажу им, что я слабый. А я не слабый. Я просто не знаю, как быть сильным».

Он сжал зубы и побежал дальше.

Через неделю Кристофер понял, что сапоги — это не обувь, это урок. Каждый шаг напоминал: комфорта не будет, привыкай к боли, иначе не выживешь. Он бегал по пять, по десять километров в этом железном панцире, пока кровь не проступала сквозь портянки. Но он бежал. Потому что впер-

вые в жизни у него была цель — просто не упасть. Доползти до финиша и не опозорить фамилию.

Однажды на марш-броске с полной выкладкой он упал на колени за триста метров до финиша. Вокруг бежали товарищи, но никто не подал руки. Только капрал подошёл, наклонился и сказал:

— Элиас, ты — сын эмигранта. Ты ноешь, когда не больно, и молчишь, когда по-настоящему тяжело. Поднимайся. Ты уже разучился сдаваться.

Кристофер посмотрел на него и вдруг понял: капрал не издевается. Он учит. Учит тому, что никто не придёт и не спасёт. Ты должен спасти себя сам. Он встал. И побежал. С тех пор он запомнил: падение — не конец, падение — это повод оттолкнуться сильнее.

Через полгода он бегал 15 км в сапогах без единой мозоли. На увольнительные вместо пьянок в городе уходил на стадион и наматывал круги, пока лёгкие не горели, а ноги не отказывались слушаться. Капрал Лежён заметил и однажды, перед самым дембелем, бросил:

— Ты, парень, не солдат. Ты бегун. Только ты сам ещё не знаешь, зачем тебе это.

Кристофер тогда не ответил. Но внутри уже зрел вопрос, который он задаст себе через много лет, стоя на старте IronMan. Вопрос, на который он найдёт ответ только тогда, когда поймёт, что бег — это не спорт, а способ договариваться с самим собой.

Возвращение. Сент-Этьен, 2009 год

Дембель выдался глухим. Сент-Этьен встретил его серым дождём, и мать, увидев похудевшего сына, заплакала, но сразу принялась готовить его любимые бакальяу. Отец хлопнул по плечу, крепко, по-мужски, и сказал: «Хорошо, что живой».

Денег не было. Кристофер крутился где мог: разгружал фуры на рынке, мыл витрины. Но главной подработкой стала продажа газет. Он вспомнил, как в 12 лет покупал в издательстве пачку «Le Progrès» за 30 евро и продавал по 4 евро за штуку — чистая прибыль 50 евро с пачки. Теперь он делал то же самое, только масштабнее: брал оптом у месье Бернара, торговал у вокзала и в студенческом городке. Пахло типографской краской и дождём. Он научился угадывать, кому предложить, а кого обойти стороной. Так в нём просыпался продавец.

Именно тогда, стоя с газетами под козырьком табачной лавки, он снова увидел на обложке журнал про инвестиции. Купил его, прочитал за вечер, заодно купил блокнот и начал записывать: расходы, доходы, цели. Там, в блокноте, появилась первая цифра — 1000 евро накоплений. И срок — один год.

Но тогда он ещё не знал, что самое трудное испытание ждёт его не на рынке.

Марсель. Забег с похмелья, 2010 год

Приглашение пришло по SMS от Лорана — старого друга армии, который уволился раньше и теперь жил в Марселе. «Крис, тут марафон на 21 км. Все свои пришли. Спорим на ящик пива, что не финишируешь? Ты же у нас бегун в сапогах, а на асфальте — слабак?»

Кристофер ответил сразу, не думая: «Приеду».

Вечер перед забегом превратился в пьянку. Лоран и его приятели тянули его в бары Марсельского порта, и они пили пастис и пиво, пока за окнами не засветился рассвет. Кристофер почти не спал. Голова гудела, желудок скручивало, язык казался наждаком. Когда прозвучал стартовый сигнал, он понял, что совершил огромную ошибку.

Первые три километра он бежал с закрытыми глазами, только бы не видеть, как мелькают столбы. Каждый шаг отдавался в висках. На пятом километре его стошнило прямо на обочину. Организаторы бросились к нему, предложили воду и медиков. Он отмахнулся. «Я должен, — прошептал он. — Просто должен».

Он вспомнил отца, который вставал в четыре утра и шел в гараж. Мать, которая шила чужие пальто и всегда откладывала «на чёрный день». Свои собственные сапоги, пропитанные кровью. И журнал, который он держал в руках на вокзале, закладывая в него будущее.

Десятый километр. Ему казалось, что ноги налиты свинцом, а мозг плавает в ацетоне. Он сбился с ритма, захотел сойти. Увидел знак «11 км» — и вдруг понял: он уже пробе-

жал больше половины. Если сойдёт сейчас, то докажет только одно — он не управляет собой. А он дал слово, что будет управлять. Даже с похмелья. Даже когда легче упасть.

На пятнадцатом километре начался «второй ветер» — странное чувство, когда боль становится фоном, а тело переходит в автопилот. Он вспомнил капрала Лежёна: «Ты уже разучился сдаваться». И побежал быстрее.

Последний километр он шёл, почти бегом, но сжимая зубы. Финишная линия плыла перед глазами, но он её пересёк. Упал на колени, и волонтёры подхватили его.

Время — 2 часа 14 минут. Никакой приз. Только тошнота и рекордная усталость.

Лоран подошёл, когда Кристофер уже приходил в себя, сидя на траве. Он молча протянул бутылку воды и усмехнулся:

— Ну что, скажешь, больше никогда?

Кристофер выругался, проклиная всех богов, себя, пастис и весь Марсель. Но уже через минуту, переведя дыхание, он сказал:

— Это было пекло.

— Знаю, — ответил Лоран. — Поэтому ты позвонишь через неделю и спросишь, когда следующий забег. Потому что ты не можешь жить, если не доказываешь себе, что ты сильнее своей слабости. Ты сам мне позвонишь.

Кристофер хотел возразить, но промолчал. Он знал, что друг прав.

Через три дня он действительно позвонил. И записался на 10 км в Лионе. С тех пор он не пропускал ни одного старта. Но тот марсельский забег стал его точкой отсчёта. Он понял: если ты способен пробежать полумарафон с дикой головной болью и рвотой — ты способен пережить любые финансовые потери. Потому что главное — не сойти с дистанции.

Тогда же он пришёл к мысли: бег — это не спорт. Это способ договариваться с собой. А если ты научился договариваться с собой в 21 километре, ты сможешь договориться с любым рынком.

Глава 2. «Сети и сирень»

Сент-Этьен, 2010–2011 годы

После марсельского забега Кристофер вернулся в Сент-Этьен с двумя вещами: новой привычкой бегать по утрам и жгучим желанием зарабатывать не на газетах, а на чём-то большем. Он попробовал всё, что мог найти: торговал на рынке одеждой, развозил пиццу, даже пытался перепродавать подержанные мопеды. Но всякий раз упирался в потолок. Денег хватало на жизнь, но не на тот «пляж с журнала», который он запечатлел в памяти.

Однажды, в дождливый ноябрьский вечер, ему позвонил однополчанин, служивший в другом подразделении, — высокий брюнет по имени Этьен. Тот был заряжен идеей: «Крис, я тут в одной компании, там можно заработать не

просто деньги, а свободу. У нас команда, тренинги, система. Приходи на презентацию, просто послушай».

Кристофер пришёл. Это был сетевой маркетинг — компания по продаже органических добавок и косметики. Зал, стулья, микрофон, слайды с графиками, люди в недорогих, но отглаженных костюмах. Спикер, мужчина за пятьдесят с блестящими глазами, говорил про «пассивный доход» и «сотни тысяч в год». Кристофер тогда не знал, что подобные системы чаще всего сулят больше, чем дают. Но его зацепило другое: здесь нужно было говорить. Много. Убеждать. Спрашивать. И слушать.

Он подписался.

Первые полгода были похожи на армейскую муштру, только вместо кирзовых сапог — скрипящие кожаные туфли. Каждое утро он слушал аудиозаписи «Мастеров продаж», записывал скрипты, репетировал возражения перед зеркалом. Ему было страшно. Он краснел, когда звонил незнакомым людям. Сбивался, путался, иногда ему казалось, что он просто умоляет их купить банку крема, а они слышат эту нотку умоляющего и сразу вешают трубку.

Но он не сдавался. Он вспоминал капрала Лежёна: «Ты уже разучился сдаваться». И продолжал.

Через полгода он купил первую сим-карту для бизнеса, завёл блокнот, куда записывал каждый контакт. Он звонил бывшим одноклассникам, соседям, тренеру по бегу, даже своей школьной учительнице французского — всем, кто го-

тов был слушать. Сначала отказы были болезненными, потом он начал их коллекционировать как медали. Каждый «нет» становился шагом к «да» — пусть не сразу, но он научился слышать потребности, задавать правильные вопросы, а не просто читать рекламный текст.

Его первая продажа случилась через три месяца. Пожилая соседка мадам Лефевр согласилась купить крем для сухой кожи, потому что он заметил, что у неё руки трескаются от стирки. Прибыль — 2 евро. Он запомнил этот день навсегда: не из-за денег, а из-за того, что понял — продажа начинается с внимания.

Но большого успеха не случилось. Он никогда не входил в топы, не получал бонусных автомобилей и не стоял на сцене с микрофоном. Его команда выросла до пяти человек, потом трое ушли. Он не стал «гуру», не построил пирамиду, но он получил то, что нельзя было купить: железный навык подходить к незнакомцу, улыбаться и начинать разговор без дрожи в голосе. Он научился слушать. А ещё — он научился отказываться от ожиданий. Сетевой маркетинг не сделал его богатым, но сделал его гибким.

Марин. Встреча

Всё изменилось на корпоративном тренинге в Лионе. Декабрь 2011 года. Душный конференц-зал, кофе в пластиковых стаканчиках, и она — сидела во втором ряду, поправляя свои тёмные волосы, собранные в низкий хвост. Её звали

Марин. Она была представителем компании из другого региона, приехала на обмен опытом. И когда она подняла глаза на презентацию, Кристофер забыл, где он находится.

Глаза. Серо-зелёные, как вода в Бретонском заливе, с золотыми искрами, которые появлялись только при свете прожекторов. Он смотрел на неё весь перерыв, но не решался подойти. Только когда она взяла кофе и отошла к окну, он собрался с духом.

— Вы из Сент-Этьена? — спросил он, понимая, что вопрос глупый, но другого не пришло.

— Нет, из Виши, — ответила она. Голос был мягким, с лёгкой хрипотцой. — А вы?

— Кристофер. Я… тоже здесь. Слушаю.

— Я заметила. Вы сидели и ничего не записывали, только смотрели в потолок.

Он покраснел. Она улыбнулась, и улыбка расколола его на части.

Они обменялись номерами — «по рабочим вопросам», как сказала Марин. Но Кристофер знал, что это не для работы.

Вечером он написал ей в мессенджере:

«Марин, я сегодня выучил ваш взгляд наизусть. Теперь боюсь, что забуду все остальные скрипты. Это вы так учите продавать?»

Она ответила смайликом и фразой: «Придётся заплатить штраф — расскажете о себе».

И он начал рассказывать. Не о бизнесе, не о планах, а о том, как в детстве переделывал велосипеды, как бегал в сапогах, как мечтал о море, но живёт в городе без моря. Она слушала. Не перебивала. А когда он замолкал, задавала вопросы, которые никто раньше не задавал: «Почему вы всё ещё в Сент-Этьене?», «Что вас по-настоящему пугает?», «Вы плакали когда-нибудь от счастья?»

Она не была похожа на тех девушек, которых он встречал в барах или на беговых стартах. Она была взрослой. Матерью. И это чувствовалось в её мудрых паузах, в том, как она говорила о дочке Эсмеральде — с грустью и огромной любовью. Она не ждала от него богатства. Она ждала искренности.

Её история

Однажды, сидя в маленьком кафе в Виши, она рассказала ему о себе. Бывший муж, Августин, отец Эсмеральды, был человеком без тормозов. Внешне обаятельный, на деле — пьяные гулянки, ночные клубы, деньги, которые утекали сквозь пальцы быстрее, чем приходили. Он жил одним днём, не думая о завтрашнем счёте за квартиру, о молоке для дочери. Когда он пил, руки становились тяжёлыми и злыми.

Марин терпела три года. Она думала, что он изменится, что любовь победит. Но однажды вечером, когда Эсмеральде было два года, Августин пришёл домой пьяный и разбил кулаком стеклянную дверцу шкафа, потому что ужин остыл.

Осколки разлетелись по полу. Маленькая Эсмеральда, сидящая в манеже, заплакала от испуга. Марин взяла дочь на руки и поняла: если она останется, он не убьёт её — он убьёт что-то в ней. Её волю, её надежду, её способность любить.

Она ушла в ту же ночь. Собрала две сумки, взяла дочку, села в такси и поехала к родителям. Изабель открыла дверь в три часа ночи, увидела лицо дочери и не стала задавать вопросов. Она просто обняла их обеих и сказала: «Ты дома».

Марин жила с родителями два года. Спала в своей старой комнате, где на стенах всё ещё висели её детские рисунки. Каждое утро она вставала рано, кормила Эсмеральду, вела её в ясли, а сама шла на работу — сначала продавцом в магазин одежды, потом офис-менеджером в небольшую компанию. Она откладывала каждый евро, чтобы снять свою квартиру. И она поклялась себе: больше никогда её жизнь не будет зависеть от мужчины, который не умеет брать ответственность.

— Я хотела любви, — сказала она, глядя в чашку. — Хотела семьи, где по вечерам говорят, а не кричат. Где есть план на завтра, а не просто «посмотрим». Я ушла с двухлетней дочкой и двумя сумками. И поняла, что лучше быть одной, чем с тем, кто не хочет расти.

Кристофер слушал и чувствовал, как внутри что-то переворачивается. Он видел её боль, но ещё сильнее — её силу. Она не жаловалась, она констатировала. И она строила свою жизнь заново, как он строил свою.

— Ты не боишься? — спросил он.

— Боюсь, — ответила она честно. — Но я боюсь не того, что одна. Я боюсь, что больше никогда не встречу человека, который будет смотреть на меня так, как ты смотришь сейчас. Серьёзно и влюблённо.

Он взял её за руку и сказал:

— Я не обещаю тебе лёгкой жизни. Я обещаю тебе честную жизнь.

Она заплакала. И он понял, что нашёл не просто женщину — он нашёл свою отчизну.

Стихи и доступные чудеса

У Кристофера не было денег на дорогие рестораны и такси. Он зарабатывал копейки. Но он знал: Деньги придут, но сейчас важнее забота. Она прошла через боль и знала цену простым вещам.

Он начал писать ей стихи. Неловкие, рифмованные, иногда смешные, но искренние. Отправлял их поздно вечером, после бега:

«Твои глаза — как ночь в Сент-Этьене,

Когда снег тает на фонаре.

Я готов бежать к тебе сквозь время,

Лишь бы видеть их в ноябрьском серебре»

Она отвечала: «Ты поэт?», а он: «Нет, я продавец газет. Но когда смотрю на тебя, рифмы приходят сами».

Он придумывал простые сюрпризы: покупал в пекарне

круассан и ждал её у вокзала, когда она приезжала на встречи. Однажды он нарисовал на асфальте мелом стрелку от остановки до кафе, где они должны были встретиться, и написал: «Дорога к улыбке». Она смеялась. Она ценила его усилия, и это было важнее любых денег.

Он познакомился с Эсмеральдой. Девочке было четыре года. Она пряталась за мамину юбку и исподлобья смотрела на незнакомого мужчину. Кристофер присел на корточки, протянул ей раскраску с лошадками и сказал:

— Привет, я Кристофер. Я друг твоей мамы. Ты любишь лошадей?

Эсмеральда не ответила, но взяла раскраску. Через минуту она уже сидела на полу и рисовала, время от времени поглядывая на него. Через час, когда Кристофер уходил, она подбежала и сказала:

— Ты придёшь завтра?

У него сжалось сердце. Он посмотрел на Марин, и в её глазах были слёзы.

— Приду, — сказал он. — Я буду приходить каждый день, если ты захочешь.

Она кивнула и убежала. А Кристофер понял, что теперь у него есть не только любимая женщина, но и дочь, которую он должен защищать.

Решение

Прошло три месяца. За это время они виделись почти

каждые выходные. Кристофер ездил в Виши, иногда она приезжала к нему. Он уже знал, что хочет провести с ней всю жизнь.

Однажды вечером, гуляя по набережной Сент-Этьена (единственной набережной, которая была у города — у канала), он остановился, взял её руки и сказал:

— Марин, я не богат. У меня нет квартиры, нет машины, нет обещаний, которые я не смогу выполнить. Но у меня есть цель — стать человеком, который даст тебе и Эсмеральде ту жизнь, которой вы достойны. Не роскошной, но надёжной. Спокойной. Счастливой. Я хочу строить это с тобой. Ты выйдешь за меня?

Она заплакала. Слёзы текли по щекам, и она не вытирала их. Она кивнула, а потом сказала:

— Ты уже даёшь мне то, что нельзя купить. Ты даёшь мне своё время. И веру. Да, Кристофер. Да.

Эсмеральда, которая бегала неподалёку, подбежала и спросила:

— Мама, почему ты плачешь?

— Потому что я счастлива, — сказала Марин. — И потому что у нас теперь будет папа.

Эсмеральда посмотрела на Кристофера и серьёзно сказала:

— Ты будешь меня учить бегать?

— Буду, — ответил он. — И не только бегать. Я буду учить тебя всему, что знаю сам.

Она обняла его, и он понял: это его семья. И он сделает всё, чтобы они никогда не знали нужды.

Свадьба

Через два месяца, в июне, они поженились. Свадьба была маленькой, как они и хотели: родители Кристофера — Жоаким и Тереза, мама Марин — Изабель, её отец Жан-Поль, а также её сестра Катрин. И, конечно, Эсмеральда, которая несла цветы и улыбалась, как будто знала, что теперь у неё есть папа.

Изабель, женщина с мягким взглядом и седыми прядями в тёмных волосах, перед церемонией обняла зятя и шепнула: «Я вижу, как ты смотришь на мою дочь. Ты не просто мужчина — ты человек, который строит. Спасибо тебе». Жан-Поль, высокий, с добрыми морщинами у глаз, молча пожал руку Кристоферу, но в этом рукопожатии была сила и одобрение.

Церемония прошла в мэрии Сент-Этьена. Кристофер надел свой единственный костюм, который купил на распродаже, а Марин — белое платье, простое, но элегантное. После регистрации они пошли в небольшой ресторан, где Жоаким поднял тост на португальском, а Тереза плакала от счастья.

Жан-Поль, встав следом, сказал негромко, но твёрдо:

— Марин прошла через многое. Теперь я спокоен — у неё есть мужчина с характером. Не по деньгам, а по поступкам.

Изабель кивнула, вытирая слёзы, и добавила:

— Мы все будем рядом. Теперь вы — наша семья.

Кристофер держал Марин за руку и чувствовал, как его сердце переполняется гордостью и благодарностью. Он смотрел на Эсмеральду, которая танцевала с дедушкой, и думал: «Я — глава этой семьи. И я не имею права подвести их».

Первое жильё

Через месяц после свадьбы Кристофер нашёл небольшую двухкомнатную квартиру в старом районе Сент-Этьена. В ней было всего 52 квадратных метра: крошечная кухня, совмещённая с гостиной, маленькая спальня и ещё одна комната, которая должна была стать детской. Стены были выкрашены в бледно-жёлтый цвет, пол скрипел, а окна выходили на шумный перекрёсток.

Он стоял посреди пустой гостиной и чувствовал себя одновременно счастливым и испуганным. Счастливым — потому что это его дом. Испуганным — потому что он не знал, сможет ли платить ипотеку.

Марин подошла сзади, обняла его и сказала:

— Не бойся. Мы будем делать ремонт по чуть-чуть. Сначала кухню, потом спальню. Ты ведь бегун, ты умеешь распределять силы.

— Но здесь так мало места, — сказал он. — Ты заслуживаешь большего.

— Я заслуживаю тебя, — ответила она. — А остальное приложится. Ты — глава нашей семьи. И я знаю, что ты по-

строишь нам дом.

Они обустроили квартиру за несколько месяцев. Купили подержанную мебель с барахолки, перекрасили стены, повесили шторы, которые сшила Тереза. На кухне появился маленький стол, за которым они умещались.

Эсмеральда, которой было четыре с половиной, впервые увидела свою комнату — узкую, с одним окном, но её.

— Это моя? — спросила она, заглядывая в пустую комнату.

— Твоя, — сказал Кристофер. — Мы купим тебе кровать и шкаф. И ты сможешь повесить свои рисунки на стену.

Она посмотрела на него с серьёзностью, не свойственной её возрасту, и сказала:

— Спасибо, папа.

Это слово ударило его в сердце. Она назвала его папой. В первый раз. Он присел на корточки, обнял её и прошептал:

— Я сделаю всё, чтобы ты была счастлива.

Марин стояла в дверях и плакала.

Перелом

К концу 2012 года Кристофер понял, что сетевой маркетинг не принесёт ему миллиона к сорока. Но он принёс ему кое-что другое: он научил его задавать вопросы, слушать и говорить «нет» страху. И он привёл к Марин.

Однажды, лёжа в их маленькой съёмной квартире, глядя, как Марин и Эсмеральда спят, он взял свой старый блокнот

и нарисовал новую таблицу: доходы, расходы, цели. Он понял, что хочет не просто «торговать» — он хочет создавать системы. Инвестировать. Управлять капиталом. И делать это самостоятельно, а не по чужим сценариям.

Он решил уйти из сетевого маркетинга. Но не как беглец — как выпускник. Он забрал с собой главное: контакты, опыт переговоров и уверенность, что он способен продать всё, что угодно, если искренне в это верит. В том числе себя.

— Я хочу стать финансовым консультантом, — сказал он Марин за ужином. — Я хочу помогать людям не просто покупать кремы, а строить будущее.

Марин посмотрела на него и спросила:

— Ты готов учиться снова? Ты готов рискнуть?

— Я готов, — ответил он. — Потому что я глава этой семьи. И я хочу, чтобы у нас было будущее, в котором мы не будем бояться завтрашнего дня.

Она улыбнулась и взяла его за руку:

— Тогда иди. Мы с тобой.

Глава 3. «Потолки и точки»

Сент-Этьен, 2013–2015 годы

После свадьбы Кристофер проснулся с ясным пониманием: он больше не может быть просто продавцом с мечтами. У него была семья, арендованная квартира, дочь, которая звала его «папой», и женщина, которая верила в него каждую

секунду. Он должен был расти. Быстро.

Но карьерный рост оказался не прямым спринтом — он был похож на серию забегов с разными дистанциями. Каждый раз, добегая до финиша, Кристофер упирался в стеклянный потолок, который нельзя было пробить силой — только прыжком на новый уровень. И каждый раз, когда он падал, он вспоминал, что он глава семьи. Что за его спиной — Марин, Эсмеральда, их общее будущее. И что у него нет права останавливаться.

Первый потолок. Продажи B2B

Первая работа после ухода из сетевого маркетинга — менеджер по продажам в компании «SolaireTech», которая устанавливала солнечные панели для фермеров. Кристоферу платили 1600 евро в месяц плюс процент. Он вкалывал: с утра до вечера обзванивал хозяйства, ездил по фермам, договаривался с упёртыми стариками, которые не верили в «новые технологии».

За год он стал лучшим продавцом в регионе. Но его бонус упирался в планку: компания не давала больше 2000 евро, потому что «выше — только директорский оклад». Когда он пришёл к начальнику с просьбой о повышении, тот пожал плечами: «Кристофер, ты хорош, но ты из Сент-Этьена, из семьи эмигрантов. У нас такие не становятся руководителями».

Он понял, что здесь ему не дадут больше, сколько бы он

ни продавал. И уволился через неделю.

Следующий шаг — торговый представитель крупной сети продуктовых магазинов. Там он получил 2200 евро и свободный график. Он объездил весь регион Овернь-Рона-Альпы, договариваясь о поставках. Через год его доход упёрся в 2600 евро. Начальство снова не повышало, потому что «система так работает».

Кристофер сидел вечером с блокнотом, пересчитывая цифры. 2600 евро в месяц — это 31200 в год. Отнять налоги, аренду, еду. Оставалось 500 евро в месяц на откладывание. При таких темпах к сорока годам у него будет... 50 тысяч евро. Не 1,5 миллиона. Он закрыл блокнот и понял: продажи — это лестница, но её ступеньки слишком узкие. Нужно было менять поле.

Он закрыл блокнот и посмотрел на спящую Марин. Она выглядела уставшей — работала логопедом в школе, вела бухгалтерию его маленького бизнеса, заботилась об Эсмеральде.

Марин. Её самостоятельный путь

Пока Кристофер искал своё место в финансовом мире, Марин не сидела сложа руки. Она была не просто «женой и опорой». Она была личностью со своим призванием. Логопедия была её профессией, её даром, её способом менять мир к лучшему.

Она работала в школе для детей с особенностями разви-

тия. Каждый день она видела родителей, которые плакали от бессилия, детей, которые не могли сказать «мама», и каждый день она помогала им сделать первый шаг. Это была тяжёлая работа, но она давала ей силы.

Однажды, после особенно трудного занятия, она пришла домой и сказала Кристоферу:

— Я хочу открыть свою студию логопедии. Я хочу помогать не только тем, кто может позволить платить, но и тем, у кого нет денег. Я хочу создать место, где каждый ребёнок получит шанс заговорить.

Кристофер посмотрел на неё и увидел в её глазах тот же огонь, который она увидела в его глазах, когда он говорил о финансовом консультировании.

— Тогда давай, — сказал он. — Мы сделаем это вместе.

Это стало их первым совместным проектом. Марин написала бизнес-план, нашла помещение, собрала документы. Кристофер помог с финансами и юридическими вопросами. Они открыли студию, которую назвали «Les Mots de Marin» («Слова Марин»). Первые клиенты пришли через месяц. Марин плакала от счастья, когда первый ребёнок произнёс своё первое слово.

Она больше не была просто «женой Кристофера». Стала Марин - логопед, предприниматель, женщина, которая строила свою империю.

Эсмеральда. Её взросление

Эсмеральда росла в окружении любви и заботы. Она знала, что Кристофер не её биологический отец, но для неё это не имело значения. Он был тем, кто водил её на тренировки, сидел с ней над домашними заданиями и учил её не сдаваться.

Она полюбила бег. Это был их ритуал: каждое воскресенье они бегали вместе. Сначала 2 км, потом 5, потом 10. Она была быстрее отца, но он не сдавался. Он бежал рядом и учил её дышать.

— Помни, — говорил он. — Ты бежишь не ногами. Ты бежишь головой. И сердцем.

Она впитывала его слова. Она видела, как он борется с работой, с деньгами, с жизнью. И она знала, что он делает это для них. Для неё, для Марин, для будущих братьев и сестёр.

Однажды, после очередной пробежки, она сказала:

— Папа, я хочу стать профессиональной бегуньей. Я хочу бегать на чемпионатах.

Он не стал говорить ей о «стабильности» или «надежности». Он посмотрел на неё и сказал:

— Тогда ты будешь бегать. И я сделаю всё, чтобы помочь тебе.

Второй потолок. Финансовый консультант

Он вложил последние сбережения в курсы по инвестиционному консультированию. Читал ночами, когда Марин и Эсмеральда спали. Сдал экзамены, получил сертификат и

устроился в небольшую консалтинговую фирму «Patrimoine Conseil» в Лионе. Ездил на электричке каждый день, вставал в пять утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.